

УДК 94(517.3)(092)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-102-114

**МОНГОЛОВЕД АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ ПОЗДНЕЕВ:
ПО СТРАНИЦАМ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ**

© **Еланцева Ольга Павловна**

доктор исторических наук, профессор,

Дальневосточный федеральный университет

Россия, 690922, Приморский край, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

В статье рассматривается неисследованный в российской историографии вопрос эпистолярного наследия монголоведа Алексея Матвеевича Позднеева по материалам его писем П. А. Дмитриевскому, И. В. Помяловскому и Н. И. Гродекову. Большая часть используемых в статье исторических источников впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: А. М. Позднеев; эпистолярное наследие; Восточный институт во Владивостоке; история российского востоковедения.

**MONGOLIST ALEKSEY MATVEEVICH POZDNEEV:
THE PAGES OF THE EPISTOLARY HERITAGE**

Olga P. Elantseva

Dr. Sci., Prof.

Far Eastern Federal University

10 Ayax, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

The article examines the question of the epistolary heritage of the specialist in Mongolian studies Aleksey Matveevich Pozdneev, unexplored in Russian historiography, based on the materials of his letters to P. A. Dmitrevsky, I. V. Pomyalovsky and N. I. Grodekov. The vast majority of the historical sources used in the article are first introduced into scientific circulation.

Keywords: A. M. Pozdneev, epistolary heritage, Oriental Studies Institute in Vladivostok, history of Russian oriental studies.

*Посвящается 120-летию
востоковедческого образования
на российском Дальнем Востоке*

В настоящее время в исследовательском поле российских авторов нередко встречается имя Алексея Матвеевича Позднеева — востоковеда, монголоведа, доктора монгольской и калмыцкой словесности, профессора Санкт-Петербургского университета, одного из организаторов и первого директора Восточного института во Владивостоке. В работах Т. В. Ермаковой, О. Н. Полянской, Н. П. Шастиной и других [7; 8; 10; 14] раскрывается научный вклад А. М. Позднеева. А. С. Дыбовский, О. Н. Полянская, Е. В. Сартикова, А. Н. Хохлов [3; 9; 12; 13] анализируют деятельность А. М. Позднеева в области образования:

создание школы практического востоковедения, в частности, монголоведения, содействие развитию школьной системы Калмыкии. В. Е. Войтов, С. В. Джунджусов, С. С. Сабрукова обращают внимание на богатые исторические источники по монголоведению, собранные А. М. Позднеевым в ходе экспедиций и командировок, и их современное значение [1; 2; 11]. Вместе с тем следует признать, что авторы в меньшей степени касаются личности исследователя.

Цель данной статьи — очертить, уточнить образ Алексея Матвеевича Позднеева, то, каким он предстает, по его сохранившимся письмам. Из всего корпуса таких документов, рассредоточенных по библиотекам и архивохранилищам нашей страны [частично автор уже писал об этом, см. 4; 5; 6], в фокус нашего внимания попали лишь написанные в период с 1886 г. по 1902 г.

Адресатами А. М. Позднеева стали его коллега по Императорскому Санкт-Петербургскому университету Иван Васильевич Помяловский — филолог-классик, археолог, заслуженный профессор, декан историко-филологического факультета; Павел Андреевич Дмитриевский, ровесник А. М. Позднеева, лишь на год раньше окончивший Санкт-Петербургский университет по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду с отличными успехами и определившийся на службу во внешнеполитическое ведомство. Сохранившиеся письма Позднеева к Дмитриевскому относятся к тому времени, когда последний возглавил вновь созданное российское консульство в Ханькоу, позже он был назначен консулом в Тяньцзине (1889 г.). Еще одним адресатом являлся Николай Иванович Гродеков — Приамурский генерал-губернатор (1898–1902 гг.). Его «начальствование» краем хронологически почти совпадает со временем, когда А. М. Позднеев был директором Восточного института (1899–1903 гг.). Переписка А. М. Позднеева с Н. И. Гродековым частично введена в научный оборот А. Н. Хохловым [13].

Рассматривая атрибуцию писем, следует подчеркнуть, что они написаны А. М. Позднеевым либо из Санкт-Петербурга в Китай (П. А. Дмитриевскому), либо из Владивостока в Санкт-Петербург (И. В. Помяловскому), либо в канцелярию Приамурского генерал-губернатора (Н. И. Гродекову). Каждое письмо имеет свое оформление и включает не только имя и отчество, но и эпитеты. К Дмитриевскому Позднеев обращался со словами «добрый друг», «милый друг»; к Помяловскому — «высокочитимый и дорогой мой», к Гродекову всегда неизменно — «милостивый государь».

Завершаются письма тоже по-разному: письма Дмитриевскому словами «С любовью пребываю Вашим всегдашним и преданным почитателем», «Пишите почаще искренне Вас уважающему и любящему» и др.; Помяловскому — «Примите мою сердечную любовь и дружественные пожелания всяких благ от Господа. Душою преданный Вам»; Гродекову — «С совершенным почтением и глубочайшею преданностью имею честь пребывать Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою», «С чувством беспредельного уважения и преданности имею честь пребывать всегда и всем сердцем Вашему Высокопревосходительству преданным слугою».

Как обращения к адресатам, так и заключительные слова писем и их содержание подчеркивают, что для Алексея Матвеевича это были весьма уважаемые,

но очень разные люди, к каждому из которых он умел найти свой подход, свои слова, имел вполне определенный круг обсуждаемых вопросов.

Попытаемся выяснить, о чем писал А. М. Позднеев своему «доброму другу» Павлу Алексеевичу Дмитревскому. Алексей Матвеевич, а порой и Ольга Константиновна¹, ставили его в известность о выполнении поручений: о получении заработной платы и переводе части денег в Вологду, а части — на текущий счет в банке; о выписке нужных ему периодических изданий и т. д.² [8, 9].

Позднеевы поздравляют семью адресата с рождением детей. При этом Алексей Матвеевич высказывает пожелание, чтобы появившийся на свет сын «был здоров и мощен, кричал бы во всю ивановскую глотку и напоминал бы постоянно ей ему, родителю, о спокойствии и тишине в чистом житии ангельском», а далее с сожалением добавляет: «Мы с женой именно в таком пребываем до сего времени и, кажется, останемся до конца дней»³.

В другом письме Алексей Матвеевич посылал ребятишкам Дмитревского «свои любезные подзатыльнички, пока жена не соберется купить им игрушек»⁴. Совсем немного он сообщает о досуге: на квартире Позднеевых гости собирались по вторникам «подчас с пением и хохотом, у других — более церемонно»⁵.

Понимая, что выпускника восточного факультета интересовали дела в almaty, А. М. Позднеев сообщал основные новости: ректором Санкт-Петербургского университета назначен М. И. Владиславлев⁶, «человек с определенными, твердыми убеждениями»; по мысли Позднеева, «с ним можно держаться и выработать себе определенную систему для действий»⁷.

Еще одной новостью было то, что факультет восточных языков принял решение, в соответствии с которым «он не может иметь профессоров китайской словесности из лиц, не побывавших в Китае»⁸. Для А. М. Позднеева это являлось принципиально важным, достаточно обратиться к написанному им ранее: «Ива-

¹ Ольга Константиновна Позднеева, в девичестве Голстунская, — жена А. М. Позднеева. В архивах сохранилась просьба от 1 июня 1881 г. доцента Санкт-Петербургского университета А. М. Позднеева к ректору вуза о разрешении вступить в брак с дочерью заслуженного экстраординарного профессора, действительного статского советника Константина Федоровича Голстунского, девицей Ольгой Константиновной Голстунской [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 8192. Л. 16]. Разрешение было получено, и 3 июня 1881 г. в одной из петербургских церквей состоялось венчание молодых людей.

² АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 12, 12-об., 19; Д. 177. Л. 5, 7-об.

³ По всей видимости, именно это обстоятельство и послужило причиной создания А. М. Позднеевым второй семьи, в которой народится пятеро детей; АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 2

⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 18-об.

⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 15, 15-об.

⁶ Владиславлев Михаил Иванович (1840–1890) — философ, профессор, ректор Императорского Санкт-Петербургского университета (1887–1890). На докладной записке Министра народного просвещения о кончине М. И. Владиславлева Император Александр III написал «Очень сожалею».

⁷ АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 20-об.

⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 3-об.

новский¹, — сообщал он Павлу Андреевичу, — защитил магистерскую диссертацию “Об инородцах Юго-Западного Китая”... Диссертация, как увидите, такое г...о, что и стыдно на свет божий показать... Не ездил в Китай, диссертацию писал в С[анкт]-Петербурге, не зная материала»; работа «не представляет ни одного самостоятельного слова»². Алексей Матвеевич уверен, что исследования должны выполняться людьми, знающими Азиатский Восток не только и не столько по книгам, сколько по результатам личного знакомства.

В контексте поднимаемого вопроса обратимся еще к одному интересному эпистолярному свидетельству А. М. Позднеева — обоснованию им своей очередной командировки в Монголию.

«Всякий профессор, — утверждал Алексей Матвеевич, — а преподаватель... восточных языков в особенности, необходимо осознает, как важно для него вторичное посещение страны, изучению и преподаванию языка, истории и быта которой он посвятил себя. Путешествие, предпринимаемое первоначально, с целью приготовления к преподаванию, всегда оставляет по себе пробелы, которые чувствуются и осознаются лишь во время самого преподавания, так как последнее всегда выдвигает ряд вопросов, которые невольно могут быть упущены исследователем при первоначальном посещении им страны и которые не могут быть предусмотрены даже самыми обширными и глубоко поучительными инструкциями» [Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга — далее³.

Доказывая необходимость личного знакомства со страной изучаемого языка, А. М. Позднеев приводит любопытное сопоставление: «Профессор всякой другой науки ищет ответов на ... вопросы в общении со своими учеными-коллегами, в посещении их учреждений и конгрессов; преподаватель восточных языков, особенно языков Дальнего Востока, языков, знание и научная разработка которых составляет интерес и задачу России, таких *коллег у себя не имеет*, от того *он не может не рваться в самую страну... ему дорог здесь каждый лишний шаг, каждая новая личность, надпись, книга и пр.*» [здесь и далее выделено нами — О. Е.]⁴. Именно так монголовед старался организовывать свои научные исследования.

П. А. Дмитриевский прекрасно знал китайский язык и Китай. Вот почему Позднеев советует Павлу Андреевичу: «Пишите-ка теперь диссертацию, приезжайте к нам, защищайте и будете профессором»⁵.

А. М. Позднеев информирует своего адресата «о ходатайстве введения в круг факультетского преподавания трех новых предметов: индустанской, японской и корейской» и при этом сокрушается: «Кто их будет преподавать?». Сообщая о

¹ Ивановский Алексей Осипович (1863–1903) — синолог, преподаватель Петербургского университета. В 1887 г. защитил магистерскую диссертацию, а в 1889 г. — докторскую. В 1889–1891 гг. был командирован в Китай.

² АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 2, 21-об.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 8192. Л. 105–105-об

⁴ Там же. Л. 105-об

⁵ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 21-об.

новом наборе студентов в Императорский Санкт-Петербургский университет, он констатирует: «... теперь мало людей, желающих именно учиться»¹.

Позднеевы — то Ольга Константиновна, то сам Алексей Матвеевич — признают, что «работы масса», «все [время] был занят», «все четыре месяца [с сентября по декабрь 1887 г.] не находил ни одной минуты свободной». Это подтверждает письмо от 26 марта 1892 г.: «Наконец-то мы можем исполнить наше обещание и посылаем Вам наши карточки. Вышли мы оба очень хорошо. Простите, что *заставили Вас ждать пять лет, но никак не могли сняться, все дела да дела*»².

Чем же был занят Алексей Матвеевич, сосредоточивший, по оценке декана В. П. Васильева³, «всю учебную деятельность только в университете»?⁴. Прежде всего он продвигался по службе, что требовало серьезных научных изысканий и освоения поручаемых к чтению учебных дисциплин. Достаточно отметить, что благодаря неустанному труду А. М. Позднеева по сбору (в ходе экспедиций, например, в монгольские степи и командировок в библиотеки Берлина, Вены, Парижа), систематизации и критическому рассмотрению памятников письменности монголов в Императорском Санкт-Петербургском университете впервые был открыт курс истории монгольской литературы.

Сохранившие письменные свидетельства говорят о том, что А. М. Позднеев очень внимательно следил за новинками литературы, старался по этому поводу обменяться мнениями с коллегами. Вот и в письме Дмитревскому содержатся такие слова: «... Поздравляю Вас с выходом в свет китайского словаря архимандрита Палладия и И.С. Попова⁵. Как он Вам понравился, — задает вопрос Алексей Матвеевич и тут же высказывает свою критическую позицию. — Ведь правда, какой громадный труд, сколько в нем материалов, и как плохо издан! Никакого порядка! Не говорю уже о том, что можно было дать другой порядок иероглифам, например на стр. 5, ...6; ну что стоило упорядочить это и поставить вместе — ведь это могло бы навести на какую-нибудь мысль о происхождении письменности; но не говорю об этом, даже в рассмотрении значения иероглифов, расстановке фраз тоже путаница. Стоит глагол, рядом — название цветка, рядом — буддийский термин, рядом — чиновничья должность, потом опять название дерева и т. д. и т. д. Чтобы найти нужное выражение придется прочитать 20, 30, иногда 40 не нужных. Хоть бы алфавитного порядка держался бы»⁶.

¹ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 20-об.

² АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 177. Л. 1, 1-об.

³ Васильев Василий Павлович (1818–1900) — российский ученый-синолог, буддолог, санскритолог, декан Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1878–1893).

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д.8192. Л. 50

⁵ Имеется в виду «Китайско-русский словарь», составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым (Пекин: Типография Тун-Вэн-Гуань, 1888. Т.1. 628 с.; Т. 2. 664 с.).

⁶ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 18.

8 декабря 1886 г. Алексей Матвеевич с радостью обращался к Дмитревскому: «Поздравь меня, милый друг. С 5-го декабря я утвержден ординарным профессором»¹. Двумя годами ранее доцент, надворный советник А. М. Позднеев в соответствии с приказом министра народного просвещения получил должность экстраординарного профессора по кафедре монгольской словесности².

Активная педагогическая деятельность А. М. Позднеева в университете велась параллельно с выполнением множества поручений. Когда в университете решили отпраздновать юбилей «нашего старца» — Василия Павловича Васильева, Позднееву поручили составлять тексты поздравительных адресов. В связи с этим он отмечал в письме в Китай: «Конечно, все это приходилось делать мне, ибо кому это писать, кроме меня. Содержание адресов Вы прочтете в газетах “Новое время” и “Новости”». К тому же, А. М. Позднеев должен был подготовить и произнести речь, «обозревающую состояние восточного языкознания в период начала деятельности Василия Павловича и заслуги его на этом поприще». Попутно Позднеев решал и организационные вопросы. Так, в указанном письме содержится просьба к П. А. Дмитревскому прислать телеграмму на имя ректора университета по поводу юбилея В. П. Васильева³.

На рубеже 1880–1890-х гг. в Главном штабе возникла потребность следить за китайскими газетами и представители штаба обратились за помощью в Санкт-Петербургский университет, но «не нашлось никому читать их, кроме меня», — делится произошедшим А. М. Позднеев и задает риторический вопрос: «Какой же я знаток китайского языка? Вы, голубчик, вполне поймете мое положение. Ведь иная вещь написать из китайских газет статью в “Новое время”... и иная вещь работать для правительства [здесь и далее подчеркнуто автором письма], когда оно просит от тебя сведений, когда оно хочет знать, знать правду, чтобы правильно действовать. Тут ведь совесть говорит. И сию я теперь над китайскими газетами, *работаю честно*»; «трудности представляет мне терминология: названия чинов, орудий, разного рода пуль, частей пароходов и т. д.»⁴.

Позднееву часто поручали работу по подготовке проектов. Так, в послании в Китай от 15 июня 1889 г. читаем: «... Доселе сидел и писал проект о реформе калмыцких школ; между делом составлял положения относительно преобразования государственных экзаменов окончивших курс в университете в полукурсовые испытания; теперь пишу записку [К. П.] Победоносцеву⁵ о постановке миссионерского дела среди буддистов.

Как видите, все выполняю поручения по части проектов ... Работа все этакая живая, волнующая, люблю такую работу!». И здесь же признание: «Утомлен за год порядком, впору и отдохнуть»; за такой работой «не заметить..., как разби-

¹ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 15, 15-об.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 8192. Л. 40.

³ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л.13, 19-об.

⁴ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д.176. Л. 2-об.

⁵ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — правовед, обер-прокурор Святейшего синода (1880–1905).

ваются нервы и делаешься раздражительным и несносным. Все это будет конечно исправлено после каникул, а до времени — скверно...»¹.

В ноябрьском письме за этот же год Алексей Матвеевич сообщает П. А. Дмитревскому, что до летних каникул в университете был занят работами Министерства государственных имуществ², которое решило преобразовать калмыцкие училища Астраханской губернии. На летних каникулах оно командировало туда А. М. Позднеева.

Вернувшись в Санкт-Петербург, Алексей Матвеевич узнал, что утвержден членом Государственной экзаменационной комиссии. Делянов³ не только утвердил, но еще подчеркнул мое имя, написав: «С поручением ему делопроизводства»⁴.

С откомандированием А. О. Ивановского в Китай остались в столичном университете без преподавателя часы по маньчжурскому языку. В. П. Васильев, «ссылаясь на старость», отказался их вести и посчитал возможным возложить преподавание на Алексея Матвеевича, а это четыре еженедельные лекции. «Итого, — резюмировал А. М. Позднеев, — с началом учебного года у меня оказалось: ежедневно по две лекции в Университете, участие во всех экзаменах, делопроизводство в Государственной комиссии, секретарство на факультете и работа в Министерстве государственных имуществ.

Конечно, — рассуждал он, — комиссии наши не велики, всего 9 человек экзаменующихся; но их ведь экзамен длится часа два, да невольно перед и после экзамена проболтаешься несколько минут в Университете, на проходку туда и обратно — час, смотришь часов четырех и нет. А на другой день лекции. К ним нужно подготовиться и употребить на это уже самое меньшее 2 ½ часа.

Скажите, — экзамены не каждый день; правда, но на следующий день вместо экзаменов нужно просидеть за составлением экзаменационных протоколов; на третий — вместо экзаменационных нужно написать протоколы факультетские, на четвертый и на пятый — произвести по этим протоколам [дополнения] и т. д. и т. д.»⁵.

Если факультетское делопроизводство шло «зауроченной тропой», то совершенно иным было делопроизводство в Государственной экзаменационной комиссии. По мнению А. М. Позднеева, это «дело новое и на каждом шагу не предусмотрено то одно, то другое. Представьте, например, что студент держит экзамен, а его в выписное присутствие тянут. Как быть? Прежде об отсрочке воинской повинности студентам, державшим экзамены, ходатайствовал Университет, теперь Университет выдает в мае своим студентам выпускные свидетельства и знать их больше не хочет. Хлопотать, значит, нужно комиссии. И приходится лететь к Попечителю [Петербургского учебного округа], к Министру [народного

¹ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 177. Л. 10–10-об.

² Министерство государственных имуществ заведовало государственными землями и иным государственным имуществом Российской империи.

³ Делянов Иван Давыдович (1818–1897) — государственный деятель Российской империи, министр народного просвещения (1882–1897)

⁴ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 17

⁵ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л.17,17-об.

просвещения], искать разрешений, ибо воинское присутствие ведь не терпит. И так на каждом шагу»¹.

А. М. Позднеев для убедительности приводит показательный случай. «Записался к нам один еврей. Сдал два экзамена, а полиция гонит его из Петербурга, ибо как еврей имеет право жить в Петербурге для получения образования, а окончил его — уходи в Каменец — жидовское царство. Опять вопрос о возможности продлевать [время] евреям для сдачи экзаменов»².

Алексей Матвеевич заключает: «Все мелочи, формальности, — но ужасные, убийственные, такие, что бросай все и исполняй их, потому что одного тащат забривать голову, другого сдают в вагон и выпроваживают. Так таки 2 ½ месяца и скакал как на угольях из одной стороны в другую»³.

С окончанием экзаменов нагрузка у А. М. Позднеева стала полегче: «осталась подготовка к лекциям да к еженедельным заседаниям в Министерстве Государственных имуществ. Смотрю, — замечает он, — Остен-Сакен⁴ задумал издавать дневник путешествия Палладия по Монголии и привозят его ко мне для просмотра и дополнений. Сами знаете, что это за работа... Начал заниматься этим, — из Археологического общества пишут, что в IV выпуске надо поместить издаваемые мною калмыцкие сказки; напечатал один лист этого текста, — смотрю, в сентябре в книжке “Journal of the China Branch” появился снимок маньчжурской и монгольской надписи на корейском памятнике, а маленькое сообщение о нем Общество заключает уведомлением о своей надежде, что “какие-нибудь знатоки маньчжурского языка снабдят общество переводом этой надписи”.

Подумаешь, как же не сделать этого русскому? Как же не сделать этого мне, тем больше, мне ведь поручено ведение маньчжурского дела в университете? Просидел три дня за этим: переписал, перевел, составил примечания, приготовил к печати. Теперь вот уже четыре дня болею, не выхожу из комнаты и взяться ни за что не могу: простудился сильно. Ну да об этом толковать не стоит»⁵.

Таким образом, эпистолярное наследие 1886–1892 гг. свидетельствует о деятельной, во многом безотказной натуре Алексея Матвеевича Позднеева, его высокой работоспособности и ответственности.

Письма 1900–1902 гг. показывают А. М. Позднеева, не по своей воле взявшего на свои плечи реализацию важнейшей и сложнейшей государственной задачи — организации первого высшего учебного заведения во Владивостоке. Известно, что по первоначальным планам от решения создать вуз во Владивостоке до его открытия должно было пройти несколько лет, подобно тому, как это произошло с Императорским Томским университетом. Там этот отрезок времени составил почти 10 лет. Алексею Матвеевичу Позднееву удалось сделать все за

¹ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д.176. Л. 17-об.

² АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 17-об.

³ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176.Л. 17-об.

⁴ Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1793–1881) — военачальник, член Государственного совета, участник походов против Наполеона, Кавказской и Крымской войн.

⁵ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 17-об., 18

несколько месяцев 1899 г., и еще три года ушло на постановку всего цикла работ от набора студентов до их выпуска. Но какой ценой?

Обратимся к письму, адресованному «высокопочтимому и дорогому» Ивану Васильевичу Помяловскому. Оно датировано 31 октября 1900 г. и начинается с извинений за долгое молчание. А. М. Позднеев объясняет: «за перо не мог взяться, и это главным образом потому что хотелось поделиться всем, случившимся со мною, а оно оказалось почти невозможным за обилием событий и материала для письма.

По прибытии во Владивосток я в первый раз в жизни столкнулся здесь с нашими коммерческими дельцами и культуртрегерами¹. Это была самая тяжелая для меня пора...»². Морально-психологический шок от увиденного и пережитого привел к тому, что «... много было проведено и бессонных ночей, и терзавших своими мерзостями душу дней, — а поседел и состарился я в каких-нибудь два месяца так, как, вероятно, не успел бы сделать этого в П[етер]бурге и в два года. Теперь все это понемногу приходит в норму: пиявки сами собою отпадают, и хоть не ахти какой бальзам врачует укушенное место, однако все льется на него животворная влага. Так-то вот»³.

По словам автора письма, его измучила и еще продолжает мучить собственно хозяйственная часть Восточного института; вопросы учебно-воспитательной деятельности решались тоже нелегко, но успешнее: вуз «последовательно переходил от небытия к неустройству, проживал на бивуаках и засим постепенно упорядочивал свою жизнь и деятельность»⁴.

Первый номер «Известий Восточного института»⁵, приложенный к письму И. В. Помяловскому, давал возможность «познакомиться... с тем, что было предпринято, чтобы провести новоучрежденное учебное заведение к наиболее совершенному достижению поставленной ему задачи».

Во Владивостоке А. М. Позднеев оказался один на один с проблемами Восточного института: «все приходится делать самому, не имея возможности с кем-либо обдумать свои предположения и посоветоваться... Я вновь один, — один, поймите это! Слова сказать не с кем и в этом основная тяжесть положения»⁶. Молодые профессора, только начинавшие трудовой путь в институте, были заняты разработкой учебных программ, планов, подготовкой лекционных материалов и не могли оказать существенной помощи директору своими советами еще и в силу своей неопытности.

¹ Культуртрегер (нем. Kulturtrager) — империалист-колонизатор, порабащивающий отсталые народы под прикрытием насаждения культуры.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки — далее ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1132. Л. 14

³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1132. Л. 14-об.

⁴ Там же.

⁵ «Известия Восточного института» издавались с 1900 по 1920 г., издание возобновлено в 1994 г.

⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1132. Л. 15.

Позднеева волнует и другой вопрос. Обращаясь с ним к И. В. Помяловскому, он пишет: «Вы глубоко обязали бы меня, если бы сообщили мне, забыли ли обо мне совершенно [в Санкт-Петербурге], или еще хуже, не поносят ли мое имя яко зло, — угодить ведь Министерству не особенно легко. Уповаю на то, что забыли, хотя теперь вот с появлением первого тома [«Известий Восточного института»] вспомнят опять невольно»¹.

Пребывание во Владивостоке было отмечено почти десятком обстоятельных писем А. М. Позднеева Приамурскому генерал-губернатору Н. И. Гродекову. Из всех таких исторических свидетельств обратимся лишь к одному, последнему, датированному 9 октября 1902 г. Директор Восточного института узнал, что Н. И. Гродеков, «единственный свидетель и компетентный судья» всей его деятельности во Владивостоке, получил новое назначение. «Позволю себе, — обращался он к генерал-губернатору, — в последний раз в границах Приморской области доложить Вашему Высокопревосходительству о многочисленных текущих событиях институтской жизни и вместе изложить свою покорнейшую просьбу»².

Директор сообщал о посещении вуза Сергеем Юльевичем Витте³. Обходя здание, Витте спросил Позднеева, успел ли тот здесь привыкнуть, и получил ответ о трудности продолжать службу во Владивостоке, что объяснялось тяжестью условий здешней жизни из-за малонаселенности и некультурности края. «Действительно, — делился Алексей Матвеевич с Н. И. Гродековым, — кого винить в моих терзаниях о том, что ремонт крыши не производился, что пароход, доставляющий железо, потерпел аварию и прибытия новых заказов пришлось ожидать целые три месяца?

Кого винить в последствиях, которыми сопровождалась эта неисправность крыши? Кого винить в том, что открывшийся учебный год я начал без эконома, которому министерство долго не высылало прогонов⁴, и в результате эконом мой, назначенный в июле, прибыл лишь 2-го октября, а между тем из-за этого мне пришлось самому думать даже о кормлении студентов⁵.

Кого винить в том, что профессор исторических наук [Н. В.] Кюннер⁶ и преподаватель [Г. Ц.] Цыбиков⁷ не назначены еще и доселе, а потому *лекции их приходится читать мне, имея 28 недельных часов в аудиториях*? Нельзя же, в самом деле, бросить дело!

¹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1132. Л. 15-об.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея, далее ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 4. Л. 195.

³ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — российский государственный деятель, министр финансов (1892–1903).

⁴ Прогон — в Российской империи плата за проезд на почтовых лошадях и по железным дорогам офицеров и чиновников.

⁵ Имеются в виду студенты, проживавшие в интернате при Восточном институте.

⁶ Кюннер Николай Васильевич (1877–1955) — в 1900 г. окончил Петербургский университет, с 1902 г. — профессор Восточного института во Владивостоке.

⁷ Цыбиков Гомбожаб Цэбекович (1873–1930) — в 1899 г. окончил Петербургский университет, с 1902 г. преподавал в Восточном институте во Владивостоке.

Кого винить в том, что дней пять тому типография «Восточного Вестника» уведомила меня, что она прекращает свое дело, а потому нам приходится переносить издание своих «Известий» в другую, отыскивать ее, а главное — перемещать массу наших восточных шрифтов? Это будет страшный труд!».

Служба во Владивостоке стала буквально угнетать Позднеева. Он признавался: «за один месяц я уже настолько издергался, что, по собственному сознанию, даже в настоящую пору мало пригоден для дела»¹. Он решил просить Приамурского генерал-губернатора об освобождении от службы при Восточном институте. *«Я не искал этого места, — читаем в письме А. М. Позднеева, — и принял его по предложению незабвенного для меня Николая Павловича Боголепова² в сознании, что Институт нужен России и что его необходимо устроить и сделать этого было некому. Я положил свои силы для пользы правительства и родины и теперь прошу об одном: пощадите, не сокращайте мою жизнь!*

Я прошу освободить меня из любви к самому Институту, ибо здесь, по местным условиям, необходима самая напряженная деятельность бодрых, не знающих усталости, самоотверженных сил».

Позднеев задает вопрос и сам же на него отвечает: «Что значит обосновать во Владивостоке высшее учебное заведение, когда для этого не дано ровно ничего, помимо четырех покрытых стен здания, представляющего собою сарай без окон, дверей и даже лестниц...»³

Именно в таком виде нашел я Восточный институт три года тому назад. Теперь у меня четыре курса с 13-ю отделениями, аудитории снабжены всем необходимым, равно размещены по возможности и институтские учреждения, но смею сказать, что не только внешняя, а даже и внутренняя жизнь Института созданы мною, Институтский устав указал этому учреждению быть первым в России учебным заведением, преследующим практические цели в изучении Востока, однако пособий для себя у нас не было совершенно, не говоря о том, что такие языки, как корейский или японский никогда не преподавались в России, даже такие предметы, как история или география Дальнего Востока, политическая организация восточных государств, их право, учение об их промышленности и торговле — все это было для нас совершенной новизной»⁴. В приведенном кратком содержании письма отмечены очень весомые результаты деятельности Алексея Матвеевича Позднеева и всего коллектива профессоров и преподавателей Восточного института, проделанной в течение 1899–1902 гг.

Таким образом, эпистолярное наследие А. М. Позднеева, послужившее основой данного материала, охватывает время с 1886 по 1902 г. В начале Алексей Матвеевич — молодой 35-летний преподаватель, доцент, ставший вскоре профессором Санкт-Петербургского университета, а позже — 50-летний, умудренный опытом директор Восточного института во Владивостоке.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 4. Л. 195.

² Боголепов Николай Павлович (1846–1901) — правовед-цивилист, министр народного просвещения (1898–1901).

³ ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 4. Л. 196.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 4. Л. 196–197.

Из писем нашего героя в Китай П. А. Дмитревскому хорошо прослеживается пройденная им на факультете восточных языков столичного университета нелегкая школа профессионального становления, активное накопление навыков администрирования в части решения актуальных вопросов учебно-научного процесса и общественных дел в вузе, составления государственно важных документальных текстов.

Эпистолярное наследие А. М. Позднеева подчеркивает статусный и широкий круг его делового общения. Алексея Матвеевича знали и ценили за профессиональные качества министр народного просвещения И. Д. Делянов, оберпрокурор Святейшего синода П. К. Победоносцев и другие государственные деятели, к нему обращались за научными консультациями и советами, просили предоставить результаты исследований для опубликования.

В рассмотренном эпистолярном наследии А. М. Позднеев предстает как большой труженик, проявлявший личную инициативу и настойчивость в проведении научных исследований по монголоведению; человек, бравший на себя ту сложную и ответственную работу, от которой порой отказывались коллеги по Императорскому университету.

Вполне закономерно, что когда встал вопрос об организации во Владивостоке высшего востоковедческого учебного заведения и его директоре, — выбор, с согласия российского императора Николая II, пришелся на Алексея Матвеевича Позднеева.

Из писем профессору И. В. Помяловскому и генерал-губернатору Н. И. Гродекову становится очевидно, что Алексей Матвеевич Позднеев бесконечно много сделал для нормального функционирования первого вуза на российском Дальнем Востоке. Наши современники по праву называют его основателем Восточного института во Владивостоке.

Литература

1. Войтов В. Е., Тихменёва-Позднеева Н. А. Алексей Матвеевич Позднеев и его восточная коллекция / Гос. музей Востока. Самара: Агни, 2001. 107 с., [36] л. цв. ил.: ил., портр.

2. Джунджужов С. В. Отчет А. М. Позднеева как исторический источник о конфессиональной жизни калмыков-буддистов Уральского казачьего войска // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: материалы II Междунар. науч. конф. / Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук. Элиста, 2016. С. 20–21.

3. Дыбовский А. С. Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) и практическое востоковедение в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 4–2. С. 83–105.

4. Еланцева О. П. Дмитрий Матвеевич Позднеев — директор Восточного института // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сб. ст. и библиография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 146–161.

5. Еланцева О. П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к истории становления Восточного института во Владивостоке // Гуманитарный вектор. 2012. № 2. С. 132–142.

6. Еланцева О. П., Толстокулаков И. А. «...Желая наивозможно лучше поставить дело изучения японского языка»: к вопросу о первой командировке Е. Г. Спальвина в Японию

(1899–1900) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15, вып. 1. С. 200–206.

7. Ермакова Т. В. Вклад монголоведа А. М. Позднеева в исследование буддийской культуры // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, № 1. С. 41–52.

8. Ермакова Т. В. Деятельность А. М. Позднеева в буддийских регионах Российской империи (по материалам архива востоковедов ИВР РАН) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. 2013. С. 327–330.

9. Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Учёные записки ЗабГУ. Сер.: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2016. Т. 11, № 6. С. 143–148.

10. Полянская О. Н. Жизнь, судьба и научное наследие монголоведов России после 1917 г.: А. М. Позднеев (1851–1920) // Тармахановские чтения: российская революция 1917 г.: материалы всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию Российской революции 1917 г. и 95-летию проф., исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е. Е. Тармаханова. 2017. С. 124–133.

11. Сабрукова С. С. Образцы буддийских грамот из коллекции архивных материалов А. М. Позднеева // Письменные памятники Востока. 2013. № 1(18). С. 236–241.

12. Сартикова Е. В. Роль А. М. Позднеева в развитии системы образования Калмыкии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2–1(8). С. 158–160.

13. Хохлов А. Н. А. М. Позднеев — основатель Восточного института во Владивостоке // Известия Восточного института. 1994. № 1. С. 37–47.

14. Шастина Н. П. А. М. Позднеев // MONGOLICA-VI: посвящается 150-летию со дня рождения А. М. Позднеева. СПб., 2003. С. 7–18.